

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 811.161.1'04'38(043.3)

Зуева
Ольга Владимировна

**СТИЛЬ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ XI–XVII ВЕКОВ
И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.02 – русский язык

Минск, 2009

Работа выполнена в Белорусском государственном университете

Научный руководитель –

Янович Елена Ивановна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
Белорусского государственного
университета

Официальные оппоненты:

Кожина Алла Андреевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретического и
славянского языкознания Белорусского
государственного университета

Жданович Наталья Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
Белорусского государственного
педагогического университета
имени Максима Танка

Оппонирующая организация –

**УО «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы»**

Защита состоится 1 декабря 2009 г. в 14.00 на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.11 при Белорусском государственном университете (220050, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62; тел. ученого секретаря 209-55-58).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан ____ 2009 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

И.Э. Ратникова

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы реферируемой диссертации обусловлена вниманием современной исторической стилистики к текстам, не получившим комплексной характеристики с точки зрения их структурно-композиционных и собственно-лингвистических особенностей. Эпистолярные тексты представляют один из наименее изученных жанров восточнославянской письменности XI–XVII вв. На необходимость проведения исследования указывают следующие факты: а) нерешенность до настоящего времени вопроса о статусе языка восточнославянских эпистолярных текстов XI–XVII вв. в системе регистров средневековой письменности; б) отсутствие исследований, посвященных проблемам классификации эпистолярных памятников и сопоставительному диахроническому изучению структурно-композиционных и языковых стилистических особенностей различных типов писем; в) отсутствие лингвистических описаний целых групп посланий и необходимость дополнения и уточнения существующих немногочисленных работ, анализирующих отдельные разновидности средневековых писем. Выбор эпистолярных текстов как источников, наименее опосредованно отражающих человеческий фактор в языке, фиксирующих подлинное, а не моделируемое общение, отвечает также запросам современной антропоцентрической лингвистики.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными проектами и темами

Диссертация выполнена в рамках научных тем «Русский и белорусский языки в синхронии и диахронии (номер госрегистрации 20012510, 2001–2006 гг.), «Русский и белорусский языки: система и функционирование» (номер госрегистрации 20061801, начиная с 2006 г.), разрабатываемых на кафедре русского языка Белорусского государственного университета.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – выявить структурно-композиционные признаки и лингвостилистические особенности разных типов древне- и старорусских текстов эпистолярного жанра XI–XVII вв.; определить место стиля эпистолярных памятников в системе письменного русского языка донациональной эпохи и истории русского литературного языка.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

- установить внешне- и внутрilingвистические параметры, дающие основание для квалификации письменного памятника XI–XVII вв. как эпистолярного текста и позволяющие провести классификацию источников;
- выявить типовую смысловую структуру эпистолярного текста, описать закономерности ее организации и способы языкового наполнения с точки зре-

ния устойчивости и варьирования используемых вербальных средств;

- охарактеризовать стилистические особенности разных типов и видов писем с точки зрения реализации в текстах синтаксических и морфологических языковых ресурсов и с точки зрения отражения в посланиях явлений книжных либо некнижных разновидностей письменного языка;

- установить факты и причины стилистического взаимодействия писем с текстами других жанров и внутрижанрового взаимодействия отдельных разновидностей посланий;

- определить место стиля эпистолярных текстов в истории русского литературного языка.

Таким образом, исследование является двуплановым и включает, во-первых, анализ смысловой структуры текстов, которая образуется комбинацией смысловых блоков – фрагментов содержания, эксплицируемых предикативными и непредикативными единицами, различающимися степенью языковой устойчивости; во-вторых, исследование включает анализ функционирования в текстах грамматических ресурсов письменного языка XI–XVII вв.

Объектом исследования являются древне- и старорусские эпистолярные тексты XI–XVII вв.

Предмет исследования – структурно-композиционные и собственно языковые стиле- и жанрообразующие признаки эпистолярных текстов; закономерности употребления в письмах стилистически маркированных языковых средств, определяющие место стиля писем XI–XVII вв. в истории русского литературного языка.

Употребление сочетания «стиль писем» требует комментария. В работах по истории русского языка донационального периода термин «стиль» используется как минимум в трех значениях. 1. Стиль как совокупность структурно-композиционных и языковых черт текстов определенного жанра («стиль жизни», «стиль челобитных» и т.д.). 2. Стиль как совокупность экспрессивно-маркированных языковых средств, определяющих степень книжнориторической обработанности текста вне зависимости от его жанровой принадлежности (классическая триада: высокий книжный, средний нейтральный, низкий народно-разговорный стили). 3. Стиль как функциональная разновидность языка, т.е. исторически сложившаяся, объединенная определенным функциональным назначением и закрепленная традицией за той или иной сферой социальной жизни система языковых единиц всех уровней и способов их отбора, сочетания и употребления. Историчность категории «стиль» в ее третьем понимании общепризнанна (см. работы В.В. Виноградова, В.В. Колесова); формирование функциональных стилей русского литературного языка происходит на рубеже XVIII–XIX вв.

Предметом настоящего исследования стал стиль эпистолярных текстов в первом из приведенных пониманий термина «стиль». При этом осуществленный в рамках поставленных задач анализ функционирования экспрессивно-маркированных языковых средств в текстах-источниках есть не что иное, как выявление специфики стиля разных типов и видов писем во втором понимании термина. Первое понимание, таким образом, оказывается более широким, полностью включающим второе.

Сущность явления стилистической дифференциации заключается в осознанном отклонении от нейтральной (не зависящей от сферы функционирования текста, немаркированной экспрессивно и коннотативно) нормы языкового употребления. Понятие нейтральной *кодифицированной* нормы как относительно стабильного комплекса языковых средств, тенденций их отбора и правил использования так же исторично, как и понятие функционального стиля: стилистическая теория отсутствовала в восточнославянской книжности до XVII в. Как показали в своих исследованиях А. Едличка, А.А. Алексеев, В.В. Колесов и другие ученые, норма в письменной культуре XI–XVII вв. представляет собой норму образца: создавая тот или иной тип произведения, средневековый автор ориентируется на предшествующие текстовые образцы того же типа (жанра), а не отталкивается от некоей нейтральной лексико-грамматической нормы, в эту эпоху не сформулированной. Данный факт препятствует номинированию древнейших разновидностей языка, даже дифференцированных по сферам социальной деятельности, функциональными стилями.

Источниками языкового материала послужили тексты XI–XVII вв., квалифицируемые на основании предлагаемых нами критериев как эпистолярные (критерии квалификации и типологию текстов см.: Глава 1). Письма представлены в изданиях, в т.ч. в электронных публикациях. В связи с двуплановостью исследования письма были подвергнуты двойной разноаспектной выборке языкового материала. Было проанализировано более 1500 памятников, однако установленная *повторяемость* наблюдаемых явлений позволила ограничить круг подлежащих сплошной расписке текстов при подсчете количественных (абсолютных и относительных) показателей. Для установления способов организации и вербального наполнения смысловой структуры текста сплошной выборке подвергнуты 846 посланий; для определения особенностей грамматической стилистики памятников также сплошной выборке подвергнуты 385 посланий из числа указанных 846. Подчеркнем, что факты, обнаруженные в расписанных текстах, *типичны*, они хорошо известны и остальным посланиям, не вошедшим в число источников количественных данных. Ограничение текстов для подсчетов, таким образом, не наносит ущерба исследованию в отношении

репрезентативности его материала. В Приложении А содержатся таблицы, отражающие количественное хронологическое и типологическое распределение исследованных текстов; полный список источников приведен в библиографическом списке. Для сопоставления привлекались образцовые послания из письмовников XV–XVII вв., а также тексты других жанров, смежных с эпистолярным содержательно, структурно и лингвостилистически.

Методологической основой работы является комплексный диахронический подход к изучению структурно-композиционных и собственно языковых стилистических характеристик источников. В соответствии с поставленными задачами использовались следующие методы: классификация источников и исследуемых в них языковых явлений, аналитическое описание, моделирование (определение условной смысловой структуры эпистолярного текста и установление типичных способов ее реализации), контекстный метод (анализ контекста употребления языковых единиц, обуславливающего их стилистическую семантику и текстообразующую функцию), сравнительно-сопоставительный метод (сравнение стилистики отдельных разновидностей эпистолярных текстов между собой в синхронии и диахронии и с текстами других жанров).

Положения, выносимые на защиту

1. Эпистолярные памятники русского языка донационального периода XI–XVII вв., несмотря на представленность большим числом видов и широкое тематическое и лингвостилистическое варьирование, репрезентируют одну жанровую модель. Жанровое единство писем конституируют: реализация интенции межличностного общения, стереотипность структурно-композиционной организации текстов, этикетность (использование в общении речевых формул, присущих именно данному жанру), необлигаторность.

2. Стереотипность смысловой структуры (формуляра) является важнейшим интегральным стилистическим признаком текстов эпистолярного жанра. Смысловая структура образуется различными комбинациями информативных фрагментов – смысловых блоков, которые эксплицируются синтаксическими конструкциями различной степени лексико-грамматической устойчивости (клише, устойчивое высказывание, высказывание со стержневым словом или словосочетанием, высказывание без стержневого слова или словосочетания), сохраняющими содержательный инвариант. Различия в комбинации элементов формуляра и вербальном наполнении синонимичных смысловых блоков отражают типологические различия писем (в синхронии) и жанрово-стилистическую динамику (в диахронии).

3. В письмах представлено широкое варьирование лингвистических (прежде всего, грамматических) средств, отражающее дихотомию: книжное – не-

книжное языковое явление. Анализ фактического материала в свете концепции регистровой стратификации средневековой русской письменности позволяет расширить данное противопоставление до четырехчленного и соотнести стиль отдельных разновидностей посланий с типами письменного языка: церковнославянского строгой нормы, гибридного, делового, бытового. Указанное варьирование, сохраняющееся в диахронии, выступает основным дифференциальным стилистическим признаком писем.

4. Структурная организация эпистолярного текста и его языковые характеристики выступают равноправными внутрилингвистическими стилеобразующими факторами. Разноаспектные стилистические модификации писем обусловлены широким кругом экстралингвистических факторов, наиболее влиятельным из которых является социокультурный статус адресанта (светская либо церковная принадлежность).

5. В системе письменного русского языка донационального периода стиль эпистолярных текстов занимает «сквозное» место. В свете концепции регистров средневековой русской письменности это означает, что тот или иной тип языка может быть представлен многими разновидностями посланий, и, напротив, в посланиях одной разновидности могут реализоваться разные типы языка. Данная особенность, универсальная и панхроничная, обусловила невозможность формирования функционального эпистолярного стиля в русском литературном языке нового времени.

Личный вклад соискателя

Диссертация является полностью самостоятельной работой, в которой исследуются стилистические особенности структурно-композиционной и языковой организации писем XI–XVII вв. и определяется место стиля эпистолярных текстов в истории русского литературного языка.

Апробация результатов диссертации

Основные положения и результаты исследования докладывались на следующих республиканских и международных научных конференциях: «61 Научная конференция студентов и аспирантов Белгосуниверситета» (Минск, 2004), «Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах» (Гомель, 2005), «Романовские чтения» (Могилев, 2005), «XIII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (Москва, 2006), «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 2006), «Язык и социум» (Минск, 2006), «В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение» (Казань, 2007), «Палеославистика» (Санкт-Петербург, 2007), «Язык и межкультурные коммуникации» (Минск, 2007), «Текст. Дискурс. Жанр» (Балашов, 2007), «Русский язык: системно-описательный и социокультурный аспекты изучения» (Брест, 2007),

«XXXVII Филологическая конференция» (Санкт-Петербург, 2008), «XV Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (Москва, 2008), «Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы» (Минск, 2008), «Язык и социум» (Минск, 2008), «Текст. Язык. Человек» (Мозырь, 2009), «Русский язык: система и функционирование» (Минск, 2009).

Опубликованность результатов

По теме диссертации опубликованы 22 работы (6,14 авт. л.): 7 научных статей, 4 из которых – в рецензируемых изданиях (1,92 авт. л.), 15 материалов и тезисов научных конференций.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, четырех глав, заключения, библиографии (269 наименований, включая публикации автора), 5 приложений. Композиция работы отражает аспекты анализа стиля эпистолярных текстов XI–XVII вв. и последовательность его проведения. Работа включает 44 таблицы, из них 42 размещены в приложениях. Полный объем диссертации – 248 страниц, в том числе 42 страницы библиографии, 90 страниц приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** указывается направление проведенного исследования (историческая стилистика русского языка), обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяется степень научной новизны полученных результатов.

В **первой главе «Эпистолярные тексты XI–XVII веков в свете исторической стилистики русского языка»** излагаются теоретические основы исследования.

В **разделе 1.1** определяется проблемное поле исторической стилистики русского языка. Освещается проблема литературного языка восточных славян XI–XVII вв.; указывается на применение в исследовании регистровой стратификации языка средневековой русской письменности. Анализируется степень взаимозависимости стиля и жанра памятника, характеризуются стили- и жанрообразующие языковые средства, в их числе – текстовые формулы.

В **разделе 1.2** раскрываются аспекты филологического изучения исторических и современных эпистолярных текстов.

Подраздел 1.2.1 посвящен вопросу о жанрово-стилистической природе писем. Указывается, что памятником эпистолярного жанра является речевое произведение, созданное с целью осуществления дистантного межличностного общения, грамматически и прагматически ориентированное на второе лицо –

конкретного адресата, обладающее стереотипной структурной организацией, реализующее систему принятых в данное время для данной жанровой разновидности текста коммуникативных формул. Не являясь юридическими документами, письма лишены свойства obligatorности.

В подразделе 1.2.2 представлен аналитический обзор исследований эпистолярных памятников русского языка. Прослеживается история их изучения: от описания смысловых «темных мест» в публикациях 1830–90-х гг. до анализа прагматики текстов и языковой личности авторов в работах 2000-х гг. Наиболее изучены в актуальном для данной диссертации аспекте берестяные грамоты XI–XV вв. (Н.А. Мещерский, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус, Т.В. Рождественская, Р. Факкани) и частные грамотки XVII вв. (Н.П. Тарабасова, С.С. Кувалина, А. Кречмер, В.М. Живов). Учитываются результаты изучения письмовников (А.С. Демин, И.Ф. Голубев, Н.П. Панкратова), а также опыт изучения стилистики текстов писем XVIII в. (Н.И. Гайнуллина, Н.А. Новоселова, Л.А. Глинкина, Н.В. Глухих, М.С. Выхрыстюк и другие).

В *разделе 1.3* содержится характеристика источников исследования. Приводятся критерии отбора текстов, называются издания памятников.

В подразделе 1.3.1 предложена типология писем XI–XVII вв. В зависимости от характера отношений между коммуникантами выделены три типа писем: частные, официальные, частные официальные (в связи с переходностью, не подвергается описанию). В зависимости от содержания общения в рамках двух основных типов выделены виды писем: частное бытовое, деловое, фатическое, духовного и интеллектуального содержания; и официальное служебное, фатическое, духовного и интеллектуального содержания. В Приложении А типология писем представлена в виде таблицы; там же указано количественное и хронологическое распределение текстов.

В подразделе 1.3.2 указывается направление анализа структурно-смысловой и собственно-языковой организации писем XI–XVII вв. Структура текстов анализируется с точки зрения ее организации посредством 11 основных смысловых блоков: 1. Презентация коммуникантов (указание на адресата и/или адресанта, приветствие). 2. Констатация получения письма адресата. 3. Комментарии по поводу получения письма адресата: а) благодарность за письмо; б) реакция на получение письма и/или впечатление от него. 4. Выражение потребности в дальнейшем письменном общении: а) призыв к адресату писать адресанту; б) мотивация призыва к адресату писать адресанту; в) обязательство адресанта писать адресату. 5. Сообщение адресанта о себе. 6. Комментарии по поводу собственного письма: а) мотивация адресантом своего письма; б) извинение за письмо; в) оценка решения обратиться к адресату; г) объяснение задержки письма; д) характеристика своего письма и своей ма-

неры писать; е) призыв к адресату прочесть письмо. 7. Изложение каузирующих письмо интенций. 8. Выражение адресантом потребности поддерживать связь с адресатом: а) призыв к адресату помнить адресанта и/или молиться за адресанта; б) сообщение о том, что адресант молится и/или помнит адресата или обязуется это делать; в) выражение стремления увидиться с адресатом. 9. Прощание. 10. Подпись. 11. Дата и/или место составления письма.

В зависимости от степени устойчивости языкового выражения обороты, передающие содержание смысловых блоков, подразделяются на: а) клише; б) устойчивые высказывания; в) высказывания со стержневыми словами; г) высказывания без стержневых слов, или свободные сочетания. В подразделе приведены примеры оборотов и критерии их дифференциации. Указаны два типа синтаксического взаимодействия конструкций: интеграция (употребление высказываний в контактном расположении и тесной смысловой связи, при котором сохраняется их относительная грамматическая и коммуникативная самостоятельность) и контаминация (объединение высказываний в единую конструкцию, при котором происходит утрата одним из них коммуникативной и грамматической самостоятельности и вхождение его в состав другого).

Предметом наблюдений над стилистически маркированными книжными и некнижными языковыми средствами стали единицы и явления, принадлежащие к разным ярусам языковой системы. В подразделе перечисляются исследуемые грамматические и фонетические средства.

В **выводах** к главе утверждается, что выбранное направление анализа посланий позволяет изучить стилистику писем не изолированно, как самодостаточное свойство данной группы памятников, но как признак, обуславливающий их место во всей системе письменности XI–XVII вв.

Вторая глава «Смысловая структура частных писем XI–XVII веков» посвящена определению и характеристике типичных способов вербального наполнения блоков, образующих структуру различных видов частного письма XI–XVII вв. Описание проводится по единой схеме: от констатации наличия либо отсутствия смыслового блока в данном виде послания на данном синхронном срезе – к его языковому наполнению (указание степени устойчивости оборотов, характера их лексико-грамматического варьирования). Подробные данные о представленности смысловых блоков и их вербализации приведены в Приложении Б, Приложении В.

В **разделе 2.1** излагаются результаты исследования структуры писем светского содержания в ее вербальном наполнении. Краткость берестяных грамот не позволяет квалифицировать вид большинства из них, поэтому они рассматриваются как условно единая группа текстов смешанной бытовой и деловой тематики. Сопоставление берестяных грамот XI–XV вв. и неберестя-

ных посланий XIV–XVII вв. показало, что ранние грамоты включают минимальный набор смысловых блоков: в большинстве текстов присутствует только указание на отправителя и получателя с последующим изложением каузировавшей письмо интенции. Блок «прощание» факультативен для берестяных писем, но соотношение числа текстов без прощальной формулы и обладающих ей меняется в диахронии от 5,08 : 1 (XI–XIV вв.) к 1,75 : 1 (XV в.). Для берестяных писем вне зависимости от синхронного промежутка значимы подтемы «презентация коммуникантов», «призыв писать», «сообщение о себе», «изложение каузирующей интенции», «прощание». Текстовая позиция большинства блоков независимо от исторического периода фиксирована. Альтернативным расположением (зачин/концовка) обладают высказывания, раскрывающие подтему «обязательство молиться за адресата». Этикетный призыв писать со временем перемещается из заключительной части текста во вступительную.

Среди оборотов преобладают клише и устойчивые высказывания. Морфолого-словообразовательное варьирование компонентов формул незначительно (*ты писалъ – ты пишешъ, пиши мнѣ – отпиши мнѣ* и др.). Взаимодействие формул по сравнению с письмами других видов редко: *язъ тебѣ... мала пишу, а много челом бію*, XVII в. – риторическое клише, интегрирующее блоки «прощание» и «характеристика письма», и т.п.

Обнаружено явление развития нового контекстуального значения слова в составе формул (*посѣтити* – ‘прислать письмо’). Отмечены случаи общности формул писем и актов текстов; языковая игра с клише (например, прощание *кланяюся тои гиривьнѣ серебѣра*, берестяная грамота № 293, XIII в.); художественная обработка формул (рифмовки типа *посѣтили – обвеселили*). Для других видов посланий рефлексия над формулами нехарактерна.

В **разделе 2.2** представлены результаты исследования структуры писем духовного и интеллектуального содержания. В построении этих текстов обнаружены две противоположные тенденции: стремление авторов соблюдать простоту формуляра и в то же время постоянное его усложнение. Обе тенденции отражены уже в древнерусских текстах XI–XII вв.: первая проявляется во введении минимального числа смысловых блоков, другая – в дублировании блоков либо употребления в них нескольких формул, раскрывающих разные аспекты их содержания или синонимичных. В половине духовных писем отсутствует приветствие, что может быть следствием влияния жанров проповеди или слова. В зачине таких посланий представлены блоки «констатация получения письма» либо «характеристика своего письма» (подтема «мотивировка»), содержащие обращение к конкретному адресату и таким образом маркирующие получателя. Прощание, напротив, является обязательным для духовного послания блоком, примеры его отсутствия единичны. Важной компози-

ционной чертой духовных писем является включение в них элементов других жанров: молитвы, плача, похвалы; в случае размещения в абсолютном начале текста, эти элементы служат вступлением к семанте и могут компенсировать отсутствие блока «приветствие». До XV в. структура духовных писем ограничена названными этикетными элементами и собственно информативной частью текста, ритуализованного, компилятивного характера. Начиная с XV в. в текстах появляются все смысловые блоки, конституирующие эпистолярный жанр, что может свидетельствовать о происходящем сближении структуры духовного и светского письма. Ни в одном учительном послании не отмечен блок «сообщение о себе». Нетипичность введения этикетного комментирования процесса переписки объясняется сосредоточенностью автора на содержании семантемы. Указание на важность дидактической информации находит регулярное вербальное выражение в структуре текста – в частотности подтемы «мотивировка своего письма» и введения призыва прочесть письмо; последний известен исключительно духовным и интеллектуальным посланиям.

Для духовных посланий нехарактерна жесткая композиционная фиксация блоков; границы между введением, семантемой и заключением в ряде духовных писем размыты, что отличает их от эпистолярных текстов других видов. Большинство формул, репрезентирующих разные смысловые блоки, обнаруживает грамматическую и смысловую взаимозависимость: речевые конструкции «накладываются» друг на друга, отражая явление контаминации. Конструкции характеризуются большим варьированием по сравнению с синонимичными однофункциональными оборотами в составе других писем: преобладают высказывания со стержневыми словами и устойчивые высказывания; значителен удельный вес свободных конструкций.

В **выводах** ко второй главе утверждается наличие четкой структурно-содержательной дифференциации памятников светской и духовной переписки в древнейший период и сохранение ее в позднейшую эпоху. При этом формулы, раскрывающие разные подтемы, объединяются ассоциативными связями, эксплицируемыми одними лексическими средствами типа: *еще ли вы живы в печалех своих* (приветствие) – *мы в печали живы* (сообщение о себе). Система парадигматических отношений служит имплицитным средством интеграции эпистолярных текстов – как внутренней, обеспечивающей цельность отдельного письма, так и внешней, обеспечивающей цельность жанра.

В третьей главе «Смысловая структура официальных писем XI–XVII веков» проанализирована структурная организация текстов официальной переписки XI–XVII вв.: служебной, духовной, фатической. Направление описания аналогично представленному во второй главе: от смыслового блока – к языковому выражению. Данные о частотности блоков и характере их

лексико-грамматического наполнения содержатся в Приложении Б, Приложении В.

В *разделе 3.1* описана структурная организация официальных служебных писем в их разновидностях. Большинство *информирующих* и *распорядительных* текстов содержит малое число смысловых блоков: «приветствие», «констатация получения письма», «изложение каузирующей интенции», «молитва за адресата» или «призыв молить», прощание; дублирование смысловых блоков и входящих в них формул нетипично. Молитва за адресата, как правило, интегрирована с приветствием либо прощанием. В семантике памятников XVII в. отмечены контексты с актуальным призывом писать и обязательством ответить адресату – элементы, сближающие официальное служебное письмо с частным деловым. Ни в одном письме, созданном от имени царя, не отмечено прощание (та же тенденция – в бытовых текстах монархов). Цели создания *агитационного* и *просительного* писем обуславливают усложнение структуры текста: просительное послание игумена Феодосия архиепископу Макарию 1530-х гг. образуют 14 этикетных подтем, и лишь в абсолютном конце текста излагается каузирующая интенция. Агитационные письма обнаруживают значительное сходство с «окружными посланиями» – неэпистолярными выступлениями духовных властей XIV–XV вв. В письмах отмечены клише, распространенные в различных деловых жанрах (жалобниках, отписках и др.).

В *разделе 3.2* анализируется структурная организация официальных духовных писем и писем интеллектуального содержания. Наибольшее внимание уделяется пастырским воодушевляющим посланиям, отражающим одну из граней «этикета поведения» древнерусского общества – ритуал назидательного обращения высшего церковного иерарха к выступающему в поход царю или князю. Послания «на брань» характеризуются типичностью коммуникативной ситуации, ее участников, излагаемой интенции, средств ее выражения. Формуляр близок формуляру официальных служебных посланий духовных лиц; обязательны блоки «презентация коммуникантов», «молитва за адресата» (как правило, выступает в интеграции с первым), «изложение каузирующей интенции» (комплексной: благословление, воодушевление, наставление) и «прощание». Вербальные средства, используемые в семантике, в высокой степени устойчивы: все содержание писем передается комбинациями клише. Это связано с ритуальностью каузирующей письма ситуации, предопределившей компилятивную природу посланий.

Облигаторными содержательными элементами семантемы являются обязательство молиться за адресата (воодушевляющая часть) и призыв защитить *все православное христианство* (агитационная часть); как правило, фрагменты обеих частей перемежаются в тексте. Молитвенные контексты образованы

контаминациями клише типа *мы жь... смиреніи всегда о семъ ко Господу Богу, день и ночь, въіемъ непрестанно въ молитвахъ нашихъ, да пошетъ ти господь Богъ способники ангелы своя*; призыв выступить на брань передается клишированными императивными сочетаниями, например: *о Христѣ вооружи свое сердце, наполнися о Бозѣ духа ратнаго, стани крѣпко на безбожнаго врага* (послания архиепископа Феодосия Ивану IV, 1540-е гг.).

Раздел 3.3 посвящен структурной организации официальных фатических писем. В отличие от частных фатических писем, в значительной мере соотносимых с образцами бытовой и деловой переписки, контактоустанавливающие официальные послания в структурном отношении мало сопоставимы с другими официальными письмами. Они более близки частному фатическому письму. Интенция адресанта – демонстрация почтительного отношения к адресату – предопределяет включение в текст большого числа этикетных блоков, в составе которых формулы-клише отличаются лексической распространенностью: целые периоды воспроизводятся из текста в текст в неизменяемом виде. На уровне композиции это отражается в минимизации семантемы. Построение фатических писем обнаруживает соотнесенность с текстами старорусских посольских речей, что указывает на общность традиций устного и письменного официального этикетного общения. Высока частотность введения блоков, комментирующих письмо адресата (подтемы «благодарность» и «реакция на письмо»). Этикетный призыв писать, как правило, расположен в заключительной части семантемы, в отличие от его преимущественной принадлежности к зачину в частных старорусских письмах. В этом явлении сохранена архаичная композиционная черта, т.к. для древнерусских текстов типичной была именно заключительная позиция данного блока.

В **выводах** к третьей главе подчеркивается, что каждый из видов официального письма обнаруживает общие закономерности в организации и употреблении речевых формул с текстами неэпистолярных жанров. В письмах преобладают формулы-клише. Древнейшие восточнославянские памятники официальной переписки между церковными и светскими властями созданы представителями греческой культуры. Организация этих текстов и языковое наполнение формул полностью воспроизводятся в письмах XV–XVII вв. соответствующих видов, отражая тем самым их генезис и свидетельствуя о высокой степени консервативности традиций официального общения в допетровской Руси.

В четвертой главе «**Лингвостилистическая характеристика эпистолярных текстов XI–XVII веков**» анализируется стилистика отдельных разновидностей писем с точки зрения представленности и функциональной значимости в них языковых средств, маркированных как книжных/некнижных. В

результате анализа разных видов писем было установлено следующее *распределение текстов по регистрам*:

Тип письма	Вид письма	Число текстов	Века	Регистр текста			
				1	2	3	4
				Процентное отношение			
Частное	Берестяные грамоты	184	XI–XV	–	–	–	100
	Бытовое	55	XV–XVII	–	38	–	62
	Деловое	30	XVI–XVII	–	3,3	–	96,7
	Фатическое	35	XVI–XVII	2,85	2,85	–	94,3
	Духовное и интеллектуального содержания	21	XI–XVII	62	38	–	–
Официальное	Служебное	25	XII, XIV–XVII	20,8	29,2	50	–
	Фатическое	25	XV–XVII	72	28	–	–
	Духовное и интеллектуального содержания	9	XI, XIV–XVII	90	10	–	–

Примечание: цифры 1–4 обозначают регистры текста: 1 – церковнославянский строгий нормы, 2 – церковнославянский сниженной нормы (гибридный), 3 – деловой, 4 – бытовой.

Подробные данные о процентном соотношении книжных и некнижных грамматических и фонетических средств с учетом типологии и хронологии источников представлены в Приложении Г, Приложении Д.

В *разделе 4.1* определяются лингвостилистические черты текстов частных писем XI–XVII веков. Здесь и далее объектом описания становятся а) языковые ресурсы стилистической дифференциации данных разновидностей писем и б) приемы организации текстов. Показано преобладание в текстах некнижных языковых единиц и приемов разговорной речи.

В *подразделе 4.1.1* характеризуется лингвостилистика писем светского содержания. Последовательно, в связи с типом контекста и фактором адресанта, описаны способы выражения побуждения (императивность, желательность, долженствование) и средства оформления условных, целевых, временных и определительных отношений. К примеру, в берестяных грамотах делового содержания широко представлены условные конструкции в сочетании с предшествующим и последующим императивными оборотами типа: *оже еси продало порты а купи ми жита*, XIII в., причем в них используются только народно-разговорные союзы. Обороты с книжным союзом *аще* отмечены в письмах гибридного регистра как отражение книжных навыков авторов, связанных с церковью, например в письме расколоучителя Ф. Иванова: *И аще дорогъ мед, и вы, свѣты, не купите, да деньгами мнѣ приишлите*, XVII в.

В частных светских письмах зафиксированы следующие признаки разговорной речи: а) начальная позиция темы сообщения: именительный и предложный падежи «темь», вводные предложения «темь»; б) сообщение добавочной информации (вставные конструкции, уточняющие члены, парцелляция); в) речевая избыточность: включение в высказывание семантически опущенных элементов типа *вельми о томъ веселимся, о твоёмъ здоровьи*, XV в.; г) речевая недостаточность – неполнота высказываний и др.

Элементы книжной организации текста представлены в единичных письмах образованных лиц: а) повтор союза-частицы *же*; б) грамматический параллелизм – повтор синтаксических конструкций при единообразном архаизированном морфологическом оформлении входящих в них лексем и др. Язык таких посланий – церковнославянской строгой и сниженной нормы

Метатекст используется незначительно. Интерес представляет клише, маркирующее завершение письма, *за симъ/по томъ писавый* [статус, имя] с причастием в форме мужского рода вне зависимости от пола адресанта.

В подразделе 4.1.2 анализируется лингвостилистика частных духовных посланий и писем интеллектуального содержания, язык которых представляет строгую и сниженную церковнославянскую норму. Последняя отражается только начиная с текстов XV в., и использование некнижных языковых средств в большинстве из них обусловлено отступлением от духовной тематики. Язык утешительных посланий является менее окниженным, что можно объяснить непосредственной связью содержания текста с бытом. Последовательность и аспекты анализа полностью соответствуют представленным в подразделе 4.1.1.

Использование пишущим широкого круга метатекстовых вербальных средств является имманентной особенностью структуры духовного послания, отражающей книжно-литературную обработку текста. Показательно обилие глаголов речевой деятельности (*се скажу, что..., реку, глаголю, бесѣдую* и др.) – явление, отражающее универсалию эпистолярного общения.

Наиболее типичные приемы книжной риторически организованной ораторской речи: а) парные и цепочечные объединения однородных членов (бинарные конструкции преобладают); б) противопоставление однородных членов в границах простого предложения и предикативных частей в границах сложного; в) синтаксический параллелизм в сочетании со сравнением; г) риторическая диалогизация монологической речи.

В Разделе 4.2 исследуются лингвостилистические особенности текстов официальных писем XI–XVII веков. В подразделе 4.2.1 проанализированы служебные письма, язык основного числа которых представляет деловой и гибридный регистры. Такое распределение закономерно: деловая тематика пи-

сем обуславливает их стилистическую общность с документами; духовный сан авторов ряда текстов обуславливает проявление их книжных речевых навыков при общении в деловой сфере; агитационный и просительный пафос отдельных разновидностей посланий также предопределяет использование в них книжных языковых средств. Сочетанием разностилевых языковых средств, не всегда мотивированным предметом изображения, отличаются послания Иосифа Волоцкого и Геннадия Новгородского; в этом заключается новизна языка текстов, уже современниками воспринятых как образцы публицистики.

В текстах частотны цепочки однофункциональных предикативных частей и однородных членов, увеличивающие информативность высказываний. Разговорная речь в письмах этого вида не представлена, что обусловлено официальным характером переписки (за исключением посланий двух названных авторов). Метатекст в официальных служебных посланиях не распространен, представлен преимущественно в агитационных письмах.

В подразделе 4.2.2 устанавливается специфика языка официальных духовных писем. В текстах представлен стандартный церковнославянский регистр, чем обуславливается инвариант их стилистических характеристик. Устойчивость контекстов предопределяет воспроизведение в них одних и тех же лексем с одинаковыми морфологическими характеристиками. Официальные духовные письма характеризуются усложненным синтаксисом, в котором абсолютно преобладают предикативные единицы с подчинительной связью; нагромождение цепочек взаимозависимых высказываний создает впечатление развертывания одной сплошной фразы, составляющей весь текст. Послания являются образцами риторически обработанной книжной речи, в которой присутствуют: а) парные и цепочечные объединения однородных членов и однофункциональных предикативных частей; б) противопоставление, в том числе градационное; в) синтаксический параллелизм и др.

В подразделе 4.2.3 охарактеризован стиль официальных фатических писем, созданных на книжном языке преимущественно строгой нормы. Некнижные конструкции употребляются ограниченно: либо окказионально на месте ожидаемых в торжественных контекстах книжных оборотов, либо в фрагментах делового и бытового содержания, редких в фатических письмах (например, побуждение «*бы + инфинитив*» отмечено только в переписке Романовых в составе блока «призыв писать» и в разговорной формуле речевого этикета).

Как образцы церемониального общения, официальные фатические письма не содержат примеров развертывания текста по модели устной речи. В отдельных посланиях присутствуют фрагменты, имеющие признаки некнижного языка, но они не связаны с церемониалом: *В город к Николѣ Чюдотворцу помолитися не добился, только было лише ворота выломить и мошно было,*

1655 г. (патриарх Никон царю Алексею Михайловичу).

В **выводах** к четвертой главе указывается, что типологическая и регистра-
вая классификации писем не соотносятся полностью, но зависимость степени
книжности письма от сферы и темы общения устанавливается регулярно. Лин-
гвистическая и структурно-композиционная стилистика письма также могут
не обуславливать, а дополнять друг друга как две относительно независимые
характеристики текста. В эпистолярных текстах представлены все регистры
письменного языка. «Сквозным», хотя и не преобладающим ни в одном виде
писем, является гибридный регистр; этим наблюдением подтверждается поло-
жение о том, что данный тип языкового употребления оказался наиболее «пер-
спективным» в истории языка и лег в основу русского литературного языка
нового времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Доказано, что эпистолярные тексты XI–XVII вв., созданные для осуще-
ствления общения в разных сферах деятельности и посвященные различной
тематике, представленные значительным числом типов и видов и отражающие
широкий диапазон лингвостилистических средств, в своей совокупности ре-
презентируют одну жанровую модель. Признаками, конституирующими жан-
ровое единство писем, являются: реализация интенции межличностного обще-
ния, стереотипность структурно-композиционной организации текстов (воз-
можность выделения в текстах относительно самостоятельных содержатель-
ных фрагментов – смысловых блоков, различные последовательности и ком-
бинации которых собственно образуют письмо, его смысловую структуру),
этикетность (использование в общении речевых формул, присущих именно
данному жанру), необлигаторность. Значительное лингвостилистическое варь-
ирование писем исключает критерий единства языковых характеристик из
стиле- и жанрообразующих, выделяя тем самым эпистолярные памятники на
фоне других жанровых группировок средневековых восточнославянских тек-
стов [2], [18], [20].

2. Установлено, что эпистолярные тексты XI–XVII вв. обладают стерео-
типной смысловой структурой, варьируемой в зависимости от типа и вида
письма (варьируется набор и порядок следования смысловых блоков, значи-
мых для данной группы писем) и эксплицируемой лексико-грамматическими
средствами различного синтаксического значения – от словосочетания до по-
липредикативной конструкции – и различной степени устойчивости (клише,
устойчивое высказывание, высказывание со стержневым словом или словосо-
четанием, высказывание без стержневого слова или словосочетания). Постоян-

ство структуры является важнейшим интегральным стилистическим признаком текстов эпистолярного жанра: среди берестяных грамот XII в. обнаружены тексты с такой структурой, которая станет основной для частных писем XV–XVII вв., причем в том же языковом выражении.

Смысловая структура посланий, сложившаяся в самую раннюю эпоху восточнославянской письменности или воспринятая тогда же у греческой эпистографии, слабо подвержена диахроническим изменениям, в то время как на синхронном срезе относительно гибка: архитектура писем способна изменяться под влиянием архитектуры текстов различных жанров, смежных с эпистолярным. Смысловая структура писем XI–XVII вв. четко раскладывается на 11 смысловых блоков. Эпистолярные формулы, принадлежащие как к одному, так и к разным смысловым блокам, вступают между собой в различные семантические отношения (синонимия, антонимия, омонимия, конверсия), нередко одинаково эксплицируемые лексически, а также могут подвергаться синтаксическому взаимодействию (интеграция, контаминация).

Наиболее стандартным является язык официальных посланий всех видов с преобладанием клише (в духовных посланиях удельный вес клише меньший, чем в служебных и фатических письмах). В частной светской переписке употребляются преимущественно клише и устойчивые высказывания; в частной духовной – устойчивые высказывания и высказывания со стержневыми словами [1], [6], [8], [9], [11], [12], [13], [16].

3. Выявлена значительная, сохраняющаяся в диахронии, стилистическая дифференциация средств и способов грамматической организации отдельных разновидностей эпистолярных текстов XI–XVII вв., представленная дихотомиями: книжность – некнижность; риторическая обработанность, подготовленность – разговорность, спонтанность речи. Стилистическую дифференциацию показали следующие грамматические средства и значения: а) синтаксис: на уровне языковых ресурсов – способы выражения побуждения (императивность, желательность, долженствование), средства оформления подчинительных отношений в составе сложных предикативных конструкций: условных, целевых, временных, определительных; на уровне текста – организация сообщения (способы развертывания высказываний, выражение последовательности и связности мысли, степень риторической обработанности письма; использование средств вербальной интеграции текста); б) морфология: система претеритов, формы презенса 2 л. ед.ч. (*-иш/-ишь*) и инфинитива (*-ти/-ть*), падежные флексии существительных (в языке старорусских текстов), наличие/отсутствие морфологических чередований в глагольных и именных формах, флексии прилагательных м.-ж. р. ед.ч. (*-аго/-ого, -ья/-ое*), формы числа при назывании двух объектов (двойственное/множественное). Фонетические церковнославя-

низмы и русизмы (оппозиция полногласие/неполногласие, рефлексy *tj, наличие/отсутствие йотации гласных в начале слова) являются дополнительными неграмматическими стилеобразующими средствами.

Неодинакова частотность употребления отдельных грамматических конструкций в разных видах писем. Частные бытовые и деловые письма XV–XVII вв. характеризуются наибольшим диапазоном используемых в них стилистически маркированных грамматических явлений; в языке официальных духовных посланий, вне зависимости от исторического периода, представлен наименьший диапазон грамматического варьирования. Эти соотношения обусловлены различиями в степени регламентированности коммуникативного поведения корреспондентов и в возможностях тематического варьирования писем названных разновидностей.

Исследование материала в свете концепции регистровой стратификации письменности позволило установить, что в посланиях представлены все письменные регистры; «сквозным», хотя и не преобладающим ни в одном из видов посланий, является гибридный регистр, сочетающий признаки книжной и некнижной речи. Данный вывод является подтверждением положения о том, что гибридный тип языкового употребления оказался наиболее «перспективным» в истории языка и стал основой русского литературного языка нового времени.

Сопоставление – но не проекция – языковых свойств посланий XI–XVII вв. и различий функциональных разновидностей современного русского языка показало, что в большинстве текстов синтезированы черты, квалифицируемые сегодня как признаки того или иного стиля (см. потенциал научного, публицистического, художественного стилей в языке частных духовных писем строгой книжной нормы) [4], [7], [14], [22].

4. Установлено, что стилистика собственно-лингвистическая и стилистика структурно-композиционная могут не обуславливать, а дополнять друг друга как две относительно независимые характеристики эпистолярного текста. На обе составляющие стиля конкретной разновидности посланий влияют предмет изображения в рамках темы, содержательная близость данной группы писем текстам других жанров, тип контекста (традиционный – оригинальный, речь автора – чужая речь в широком смысле), в меньшей степени – принадлежность используемых средств к определенному смысловому блоку. Самым сильным фактором структурно-лингвистических модификаций посланий является социокультурный статус адресанта (принадлежность к церкви либо к миру), предопределяющий возможность отражения в тексте интерференции разговорных и книжных речевых навыков автора. Данный фактор нарушает системность в жанрово-стилистической типологии писем и обуславливает отсутствие абсолютной корреляции между ней и распределением писем по языковым регист-

рам [5], [10], [17], [19].

5. Обосновано, что в плане структурно-композиционной стилистики эпистолярные памятники XI–XVII вв. представляют собой четко очерченную группу текстов (жанр), открытую, однако, для меж- и внутрижанрового взаимодействия. В плане языковой (грамматической, фонетической) стилистики эпистолярные памятники не образуют единства, и даже внутри отдельных разновидностей посланий представлен широкий круг лингвистических ресурсов; эта особенность, в частности, предопределила отсутствие эпистолярного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка. Указанная специфика стиля эпистолярных текстов панхронична и потому проявляется в различных жанровых образцах, начиная с древнейших времен [3], [21], [15].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий для вузов и чтении вузовских курсов по истории русского литературного языка, стилистике русского языка, исторической грамматике русского языка, риторике; при чтении спецкурсов по исторической стилистике, стилистике текста, теории текста, культуре речи, социолингвистике, лингвокультурологии. В исследовании представлен фактический языковой материал, ценный для составления словарей и создания монографий по истории русского речевого этикета, истории русской фразеологии. Результаты могут использоваться в преподавании исторических дисциплин: источниковедения, эпистолографии, дипломатики, а также при углубленном изучении русского языка в курсе средней школы.

Перспективными направлениями дальнейших исследований по данной проблематике являются: изучение генезиса восточнославянских эпистолярных формул; наблюдение над использованием в письмах XI–XVII вв. лингвистических ресурсов с точки зрения отражения в нем коммуникативных намерений автора; сопоставительный анализ стилистики старорусских и старобелорусских писем; исследование эволюции эпистолярного жанра от донациональной эпохи истории русского языка до ее современного периода, в том числе в контексте развития европейской эпистолографии.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых научных изданиях

1. Зуева, О.В. К истории речевого этикета: о коммуникативном пространстве русских людей XVII века / О.В. Зуева // Вісник Луганського держ. пед. ун-ту ім. Тараса Шевченка. Серія «Філологічні науки». – Луганськ: Альма-матер, 2006. – № 11 (106), ч. 2. – С. 246–253.
2. Зуева, О.В. Русские памятники эпистолярного жанра XI–XVII вв. как предмет лингвистического исследования / О.В. Зуева // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2007. – № 3. – С. 35–40.
3. Зуева, О.В. Содержательная структура памятников русского эпистолярного жанра (на материале частного и официального типов письма XV–XVI вв.) / О.В. Зуева // Весці Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2008. – № 3 (52). – С. 58–62.
4. Зуева, О.В. Стилистические ресурсы древнерусских эпистолярных текстов в системе письменности XI–XVII веков (синтаксический аспект) / О.В. Зуева // Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2009. – № 1. – С. 58–62.

Статьи в сборниках научных работ

5. Зуева, О.В. Византийские и древнерусские эпистолярные формулы: опыт сопоставления / О.В. Зуева // Язык и межкультурные коммуникации: сб. науч. ст. / Беларус. гос. пед. ун-т; отв. ред. В.Д. Стариченок. – Минск: Изд-во БГПУ им. М. Танка, 2007. – С. 36–38.
6. Зуева, О.В. Этикетные тавтологические обороты в старорусской бытовой переписке / О.В. Зуева // Вопросы теоретического и славянского языкознания: сб. статей молодых ученых [Текст] / Беларус. гос. ун-т. – Минск: Право и экономика, 2007. – С. 22–26.
7. Зуева, О.В. Место стиля древнерусских эпистолярных текстов в системе письменного языка XI–XVII веков / О.В. Зуева // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов: в 2 ч. / отв. ред. С.Б. Кураш. – Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2009. – Ч. 2. – С. 22–24.

Материалы и тезисы докладов конференций

8. Зуева, О.В. Устойчивые формулы речевого этикета в частных грамотках XVII века / О.В. Зуева // Сборник работ 61-ой Научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета: в 3 ч. – Минск: Изд-во БГУ,

2004. – Ч. 3. – С. 44–48.

9. Зуева, О.В. Становление устойчивых формул речевого этикета в языке частных писем XVII в. / О.В. Зуева // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: материалы IV Междунар. науч. конф., Гомель, 5–6 окт. 2005 г. / Гомельский гос. ун-т; отв. ред. В.И. Коваль. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2005. – С. 19–23.

10. Зуева, О.В. Народные и литературные афоризмы в грамотках XVII века: прагматический аспект / О.В. Зуева // Русский язык: система и функционирование (К 80-летию профессора П.П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. И.С. Ровдо. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 1. – С. 67–70.

11. Зуева, О.В. Отражение ценностных ориентиров допетровского общества в русском речевом этикете XVII века / О.В. Зуева // Материалы XIII Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». Т. 3. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – С. 62–64.

12. Зуева О.В. Прагматика просьбы в русском языке XVII века / О.В. Зуева // «Наука и образование»: материалы VI Междунар. науч. конф., Белово, 2–3 марта 2006 г.: в 4 ч. / Кемеровский гос. ун-т, Беловский ин-т (филиал). – Белово: Беловский полиграфист, 2006. – Ч. 3. – С. 112–115.

13. Зуева, О.В. Эпистолярные формулы русского языка в памятниках деловой письменности XVII века / О.В. Зуева // Романовские чтения-II: сб. трудов Междунар. науч. конф., Могилев, 10–11 нояб. 2005 г. / Могилевский гос. ун-т; под ред. О.В. Дьяченко. – Могилёв: Изд-во МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. – С. 206–207.

14. Зуева, О.В. Духовное послание – «ответ на вопрошание» в традиции древнерусского эпистолярного общения О.В. Зуева // Текст. Дискурс. Жанр: материалы Межрегион. научно-практич. конф. с междунар. участием, Балашов, 20–21 сент. 2007 г. / Саратовский гос. ун-т, Балашовский филиал; отв. ред. Л.В. Татару. – Балашов: «Николаев», 2007. – С. 104–108.

15. Зуева, О.В. О проблемах лингвистического изучения эпистолярных текстов Средневековой Руси / О.В. Зуева // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Междунар. науч. конф., Казань, 4–7 мая 2007 г.: в 2 т. / Казанский гос. ун-т; под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – Т. 1. – С. 137–139.

16. Зуева, О.В. Об одной особенности системных отношений в старорусском речевом этикете / О.В. Зуева // Язык и социум: материалы VII Междунар. науч. конф., Минск, 1–2 дек. 2006 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. Л.Н. Чумак. – Минск: РИВШ, 2007. – Ч. 1. – С. 99–102.

17. Зуева, О.В. Корреляция интенционального и структурно-стилистического параметров древнерусского эпистолярного текста / О.В. Зуева // Материалы XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 135–137.

18. Зуева, О.В. Особенности структурно-композиционной и стилистико-коммуникативной организации древнерусских духовных посланий XI–XVII веков / О.В. Зуева // История русского языка и культурная память народа: материалы секции XXXVII Междунар. филол. конф., Санкт-Петербург, 11–15 марта 2008 г. / С.-Петерб. гос. ун-т; отв. ред. О.А. Черепанова. – СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 59–67.

19. Зуева, О.В. Рефлексия над текстовой формулой как стилистическая особенность древнерусской бытовой переписки / О.В. Зуева // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы: материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 20–21 марта 2008 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. пед. ун-т; отв. ред. Т.В. Балущ. – Минск: Изд-во БГПУ им. М. Танка, 2008. – Ч. 2. – С. 86–87.

20. Зуева, О.В. Содержательная структура эпистолярного текста (по материалам памятников XV–XVI вв.) / О.В. Зуева // Русский язык: системно-описательный и социокультурный аспекты изучения: материалы III междунар. науч.-метод. конф., Брест, 22–23 ноября 2007 г. / Брестский гос. ун-т; редкол. Е.И. Абрамова, Г.В. Писарук, О.А. Фелькина. – Брест: Изд-во БрГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С. 88–91.

21. Зуева, О.В. К проблеме регистровой стратификации древнерусских эпистолярных текстов / О.В. Зуева // Язык и социум: материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 5–6 дек. 2008 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. Л.Н. Чумак. – Минск: РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 77–80.

22. Зуева, О.В. Стилистика морфологических средств языка древнерусских эпистолярных текстов / О.В. Зуева // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета): сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 мая 2009 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; отв. ред. И.С. Ровдо. – Минск: РИВШ, 2009. – Ч. 1. – С. 62–65.

РЕЗЮМЕ

Зуева Ольга Владимировна

Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка

Ключевые слова: стиль, жанр, эпистолярный текст, письменный и литературный язык, смысловая структура текста, смысловой блок, формула, стилеобразующее средство.

Цель исследования: установить структурно-композиционные признаки и лингвостилистические особенности разных типов древне- и старорусских текстов эпистолярного жанра XI–XVII вв., с тем чтобы определить место стиля эпистолярных памятников в системе письменного русского языка донациональной эпохи и истории русского литературного языка.

Методы исследования: классификация, аналитическое описание, моделирование, контекстный метод, сравнительно-сопоставительный метод.

Полученные результаты и их новизна. Доказана правомерность объединения текстов XI–XVII вв., служивших целям общения во всех сферах социальной деятельности, в единый жанр письменности – эпистолярный, обладающий собственными стилистическими характеристиками. Предложена типология писем XI–XVII вв. Впервые осуществлено диахроническое описание особенностей организации текстовой смысловой структуры писем. Впервые проанализированы представленность и функциональное распределение в письмах книжных и некнижных явлений на уровне ресурсов языка и уровне текста. Впервые к изучению писем приложена концепция регистровой стратификации письменного русского языка донационального периода, что позволило преодолеть изолированность лингвистических описаний источников и определить место последних в истории русского литературного языка.

Рекомендации по использованию. Результаты исследования могут использоваться при чтении вузовских курсов по истории русского литературного языка, общей и исторической стилистике, риторике, теории текста. Фактический языковой материал может привлекаться при создании словарей и монографий по истории русского речевого этикета, истории русской фразеологии.

Область применения. Полученные результаты применимы в преподавании дисциплин филологического и исторического профилей на гуманитарных факультетах вузов (история русского литературного языка, лингвокультурология, эпистолография, источниковедение), а также в углубленном изучении русского языка в курсе средней школы.

РЭЗІЮМЭ

Зуева Вольга Уладзіміраўна

Стыль эпістальных тэкстаў XI–XVII стагоддзяў і яго месца ў гісторыі рускай літаратурнай мовы

Ключавыя словы: стыль, жанр, эпістальны тэкст, пісьмовая і літаратурная мова, сэнсавая структура тэкста, сэнсавы блок, формула, стылеўтваральны сродак.

Мэта даследвання: выявіць структурна-кампазіцыйныя прыкметы і лінгвастылістычныя асаблівасці розных тыпаў старажытна- і старарускіх тэкстаў эпістальнага жанру XI–XVII ст., з тым каб вызначыць месца стылю эпістальных помнікаў у сістэме пісьмовай рускай мовы данацыянальнай эпохі і гісторыі рускай літаратурнай мовы.

Метады даследвання: класіфікацыя, аналітычнае апісанне, мадэліраванне, кантэкстны метады, параўнальна-супастаўляльны метады.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Даказана правамернасць аб'яднання тэкстаў XI–XVII ст.ст., якія служылі мэтам зносін ва ўсіх сферах сацыяльнай дзейнасці, у адзіны жанр пісьменства – эпістальны з ягонымі асабістымі стылістычнымі характарыстыкамі. Прапанавана тыпалогія лістоў XI–XVII ст. Упершыню здзейснена дыхранічнае апісанне асаблівасцей арганізацыі тэкставай сэнсавай структуры лістоў. Упершыню прааналізаваны прадстаўленасць і функцыянальнае размеркаванне ў лістах кніжных і некніжных з'яў на ўзроўні моўных рэсурсаў і ўзроўні тэкста. Упершыню да вывучэння лістоў прыкладзена канцэпцыя рэгістравай стратыфікацыі пісьмовай рускай мовы данацыянальнага перыяду, што дазволіла пераадолець ізаляванасць лінгвістычных апісанняў крыніц і вызначыць месца апошніх ў гісторыі рускай літаратурнай мовы.

Рэкамендацыі па выкарыстанні. Вынікі даследвання могуць выкарыстоўвацца ў ВНУ пры чытанні курсаў па гісторыі рускай літаратурнай мовы, агульнай і гістарычнай стылістыкі, рыторыке, тэорыі тэкста. Фактычны моўны матэрыял карысны для складання слоўнікаў і манаграфій па гісторыі рускага маўленчага этыкету, гісторыі рускай фразеалогіі.

Галіна прымянення. Атрыманыя вынікі могуць быць выкарыстаны пры выкладанні дысцыплін філалагічнага і гістарычнага профіляў на гуманітарных факультэтах ВНУ (гісторыя рускай літаратурнай мовы, лінгвакультуралогія, эпісталаграфія, крыніцазнаўства), а таксама пры паглыбленым вывучэнні рускай мовы ў курсе сярэдняй школы.

SUMMARY

Volha U. Zuyeva

Style of the XI–XVII cc. epistolary texts and its place in the history of the Russian literary language

Key words: style, genre, epistolary text, written and literary language, textual sense structure, sense unit, formula, stylistic means.

The aim of the research consists in establishing of structural attributes and linguistic style-forming features of the XI–XVII cc. epistolary texts in their different types for defining the place of the epistolary monuments in the system of the Ancient and Old Russian literacy and in the history of the Russian literary language.

The methods of the research: classification, analytical description, modeling, contextual analysis, comparative analysis.

The results obtained and their novelty. It's proved that the XI–XVII cc. texts which were used as the means of communication in different social spheres can be united in the common epistolary genre with its proper stylistic characteristics. The typology of the letters is proposed. For the first time textual structure of the letters is described in the diachronic aspect. For the first time representation and functional distribution of literary and non-literary linguistic phenomena on the level of language resources and on the level of the text are analyzed. For the first time the conception of the registry stratification of the Eastern Slavonic medieval language is applied to the analyzes of the epistolary texts. Finally, isolating of linguistic description of the letters is overcome and the place of the letters in the history of the Russian literary language is defined.

Recommendations for use. The results of the research can be used as theoretical material for disciplines taught at universities (the History of the Russian Literary Language, General and Historical Stylistics, Rhetoric, Theory of Text). Revealed and described linguistic facts can be used to compile dictionaries and monographs on the history of Russian speech etiquette and the history of Russian phraseology.

The field of application. The results having been obtained can be applied in teaching humanities in higher school (the History of the Russian Literary Language, Linguistic Anthropology, Epistolarity Studies, Source Studies) as well as in advanced studying Russian in secondary school.